

[После второго «знамения»] патриарх же Анастасей вскоре, собрав весь клирик и сигклит, поиде к царю и рече ему: «светлейши царю, вся прежде реченная о граде семь добре веси, тако и отшествие святого Духа виде, и се паки ныне тварь проповедает погибель града сего, молим тя: изыди из града, да не вси вкупе погубнем, бога ради изыди». И поведаша много деяний прежних царей и сим подобна. И не послушаше их царь, но отвещаваше: «воля господня да будет» [456—457].

Патриарх же прииде ко царю и рече ему: «изыди, царю, из града: се второе знамение и тварь являет граду погибель. Царь же рече: «единою глаголах, еже ми zde умрети за святыя церкви и не изыти» [л. 516].

Перерабатывая при помощи таких приемов старший текст, редактор почти не привлекал иных источников; можно только отметить, что в его распоряжении был также такой текст Хронографа, где вместо повести читался еще плач. После обстоятельного указания, когда произошло взятие Царьграда (в первых строках переложения), он называет Магомета сыном Амурата, праправнука Аркана, царя Ачамийского, чего не было в его оригинале повести. Это указание он нашел в плаче, где дается та же генеалогия Амурата, со ссылкой редактора Хронографа редакции 1512 года на одну из предыдущих глав (именно, на 202-ю) того же Хронографа или же в самой 202-й главе.¹ Конечно, это добавление только уточняло хронологию повести, подчеркивая внимательность редактора к исторической ценности фактов, но ничего не прибавляя по существу к содержанию повести.

В результате параллельного изучения «хронографической» (1533) и сокращенной (1617) редакций повести мы получаем возможность заключить, что в начале XVII века первоначальная пространная повесть претерпела значительные изменения. Изменения эти выразились не только в сокращении ее объема, но также и в изменении идейного ее направления. В тексте 1617 года подчеркнута роль царя в течении событий, ослаблен религиозно-поучительный элемент,² а, кроме того, утрачены почти целиком характерные особенности воинской повести XVI века.

Все эти изменения — результат того общего процесса «обмирщения» литературы в XVII веке, который дает себя чувствовать уже в начале века и идет, прогрессируя с течением времени.

Дальнейшая судьба этой редакции повести была, повидимому, не сложна. Вне Хронографа второй редакции она большого распространения, кажется, не имела, уступая место более влиятельной и популярной хронографической повести, и в XVII веке продолжавшей оказывать влияние и дававшей источник для более или менее частых копий в ком-

¹ В плаче мы читаем: «первое убо рекох о них [турских царях] пространнейше... ныне же вкратце реку». Сказав кратко о происхождении турецких султанов от Аркана, царя Ачамийского, он заканчивает: «правнук убо царя оного инока Аркана, сын же Арканов Амурат, иже многи страны покори на востоце и на западе, Амуратов сын Баозит, Баозитов же Махамет, а Махаметев Амурат, а Амуратов сын Магмет» (ПСРЛ, XXI, стр. 437). Таким образом получается: Аркан — Амурат I, его сын — Баязет, сын Амуратов, внук Аркана — Магомет I, сын Баязета, правнук Аркана — Амурат II, сын Магомета I, праправнук Аркана, отец Магомета II.

² Здесь у трезвого, в общем, и даже, пожалуй, суховатого историка-редактора остались, однако, упоминания об обоих «знамениях» и кое-где привычные выражения: «по грехом нашим», «попущением божиим» и т. п., что понятно для человека XVII века. Сохранение же «знамений» может объясняться также и тем, что в этих эпизодах играет роль главный герой редактора — царь. Здесь дана ценная с точки зрения его характеристики черта: после каждого «знамения» царя уговаривают покинуть город, но он твердо отказывается, предпочитая разделить общую участь (Шук. 168, лл. 515 и 516).